

самоубийство, чтобы дать жене свободу выбора... Все это не может не говорить о личном достоинстве и честности героя Чернышевского»¹.

Интересно, что Н.Г. Чернышевский давал обобщающую характеристику Кирсанова и Лопухова: «Каждый из них – человек отважный, не колеблющийся, не отступающий, умеющий взяться за дело, и если возьмется, то уж крепко хватаящийся за него, так что оно не выскользнет из рук: это одна сторона их свойств; с другой стороны, каждый из них человек безукоризненной честности, такой, что даже и не приходит в голову вопрос: «можно ли положиться на этого человека во всем, безусловно?»².

Также одной из ключевых фигур романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» является «особенный человек» – Рахметов. Данный герой – центральное звено революционного пласта произведения и воплощение авторского идеала: «особенный человек» стоит «выше» «новых людей», потому что его жизнь посвящена единственной цели – свершению революции в России для достижения всенародного счастья. Ведущей деятельностью Рахметова является служение народу: если «нужно» для народа, значит, непременно будет осуществлено. Жизнь «для народа», «во имя народа» является пафосом образа Рахметова, воплощающего идеал Н.Г. Чернышевского революционера-демократа.

Таким образом, проанализировав группы персонажей романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», можно сделать вывод о том, что своеобразие образной системы выражается в ее трехуровневости: рассказчик – проницательный читатель; старый мир (мир «пошлых людей»: дворянский и мещанский); новый мир («новые люди» и «особенный человек»). Именно с помощью данной системы Н.Г. Чернышевский отразил свою концепцию «идеала» человека, сформировал авторское отношение к героям романа и к «публике», читающей современную литературу.

THE IMAGERY SYSTEM OF THE NOVEL N. G. CHERNYSHEVSKY «WHAT TO DO?»

A.A. Balahonova
Belgorod State University

This article describes and analyzes the imagery system of the novel N. G. Chernyshevsky "What to do?". The opinions of literary critics (Paperno, Tamarchenko and others) on the classification of the heroes of the work are presented. The above quotation from the novel that characterize heroes. The main characters of the novel are considered on a three-level system. The functions and role of the characters in the novel «What to do?».

Key words: figurative system, novel, Chernyshevsky, «What to do?».

ПСИХОЛОГИЗМ ПОВЕДЕНИЯ РОМАНТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

М.А. Виниченко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
vinichenko@bsu.edu.ru

В истории русской литературы роман М.Ю. Лермонтова явился первым классическим образом русского общественно-психологического романа. Тип Печорина, вызвавший особый интерес в русской литературе и обществе, послужил отправной точкой для В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского при анализе русской действительности; открытый Лермонтовым метод психологического анализа в значительной мере предвосхитил достижения в этой области Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

¹ Тамарченко Г.Е. Указ. соч. – С. 155.

² Чернышевский Н.Г. Указ. соч. – С. 89.

«Герой нашего времени» (1837–1840) – роман Лермонтова, его вершинное творение, первый прозаический социально-психологический и философский роман в русской литературе.

Целью нашей работы является исследование психологизма романа, раскрывающегося в поведении главного героя.

Теоретико-методологическую базу нашего исследования составили работы по теории игры и игрового поведения Э. Берна, М.В. Вербицкой, А.М. Люксембург, В.Л. Новикова, Б.В. Нейман, Н.С. Ашукина, Ю.М. Лотмана, Е.Л. Яковлевой, К.Б. Сигова, О.В. Журавлевой, М.М. Бахтина, И. Хейзинга и др.

Образ Печорина – одно из художественных открытий Лермонтова. Начиная со второй половины XIX века, за Печориным упрочилось определение «лишнего человека». В Печорине запечатлена трагедия сложившейся развитой личности, обреченной жить в полуазиатской стране рабов, стране господ. По мнению Лермонтова, трагедия его времени не только в том, что «люди терпеливо страдают», но и в том, что «большинство страдает, не сознавая этого»¹.

Одна из заслуг Лермонтова – углубление представлений о реальной сложности природы человека и многомерности структуры человеческой личности. Печорин неоднократно говорит о своей двойственности. Начальной ступенью концепции человека, развитой в романе, можно считать лермонтовское решение вопроса о соотношении природного физиологического и духовного начал.

В неукротимой двойственности Печорина получила отражение другая важная сторона лермонтовской концепции человека. В представлении Печорина, страсти – не единственный и не главный источник человеческих поступков; «сам я больше не способен, – говорит он, – безумствовать под влиянием страсти»². Движущим началом его действия является воля, на которую воздействуют как страсти, так и разум. Аффективно – волевым, импульсивным по своему характеру поступкам «детей природы» (Казбич, Азамат) противостоит интеллектуально-волевое действие Печорина, регулируемое его рефлексией, как убедительно свидетельствует сам Печорин и все его поведение, «это расположение ума не мешает решительности характера...»³.

Печатью мужественности отмечено «ни перед чем не останавливающееся отрицание героем романа неприемлемой для него действительности, лишенной возможности прямого общественного действия, Печорин стремится, тем не менее противостоять обстоятельствам, утвердить свою собственную надобность», вопреки господствующей, казенной надобности.

«Журнал Печорина» показывает историю нравственных блужданий современного Лермонтову человека.

В «Княжне Мери» Печорин проверяет идею жизненной практикой. Это – идея возможности вернуться в среду связанную с тем петербургским светским обществом, которое породило его, и обрести здесь душевный покой и счастье. Все лучшее, что сохранилось в этой среде, тянется к Печорину: дружеские контакты связывают с ним доктора Вернера, полюбила его княжна Мери, юная, чистая, грациозная девушка, мечтающая составить счастье любимого человека. Готовая на все для единственной дочери, княгиня Лиговская с радостью благословила бы ее на брак с Печориным.

Нечто подобное мы встречаем и в «Маскараде». Арбенин – игрок, но он знает, как ему вернуться в «жизнь», в реальную, а не карточную действительность – это мечта его о союзе с женщиной. Мечта осуществляется и Арбенин вновь «воскрес для жизни и добра». Однако, на наш взгляд, в «Герое нашего времени» происходит несколько иное воплощение идеи «возвращения». Арбенин верил и знал, как «воскреснуть». Печорина же

¹ Андронников И.Л. Портреты выходят из рам (О литературных связях М.Ю. Лермонтова). – М., 1964. – № 42. – С. 304.

² Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х т. – Л., 1980 – С. 294.

³ Там же. – С. 4.

Лермонтов, экспериментатор во времени, лишает такого знания и веры в силу общественно-исторических обстоятельств. Герой отдает себе отчет в том, что подобное счастье не для него. Арбенин делает попытку вернуться к жизни, но обманывается, Печорин знает об обмане заранее.

Таким образом, на наш взгляд, происходит следующее: Арбенин в силу своей веры становится сам объектом своего же жизненного эксперимента, он экспериментирует над собственной жизнью. Подобный эксперимент уже не мог реализовать Печорин по личным и общественным обстоятельствам. Отсюда, как нам кажется, из невозможности реально действовать, и возникает необходимость игры, которая дает возможность Печорину моделировать ситуации, недоступные ему в реальности. Изменяются условия, изменяется и объект воздействия, поэтому, создавая нужную ситуацию, Печорин играет уже жизнями других людей.

Личность мятежная, жаждущая бурь деятельности, он был настроен максималистски. Его устроило бы только обретение идеалов гармонического бытия – сочетание деятельности гражданской с полнотой личной жизни. Но идеал гармонического бытия для незаурядной личности в этот период истории не мог быть достигнут. Повесть «Княжна Мери» и показывает, какие повороты и наслоения возникают в поведении и психологии мятущейся одаренной личности, волей исторических обстоятельств обреченной на жизнь одностороннюю. В центре повествования в «Княжне Мери» рассказывает Печорин о том, как он завоевывает сердце княжны Мери. Собственно вся эта история затеяна Печориным от скуки, ради эксперимента. Но ему доставлял сам процесс организации «поединка душ» как в случае с княжной Мери, так и с Грушницким.

В результате этого «поединка душ», который превращается в случае с Грушницким в кровавый поединок – дуэль на шести шагах на краю отвесной скалы – Грушницкий гибнет. По воле Печорина он превращается в «игрушку» в руках могущего игрока, беспощадно расправившегося со своей жертвой.

Дуэль со своими правилами и таинственностью не что иное как социальная игра. Именно к ней ведет Печорин своего противника, рассчитывая каждый ход. По Э. Берну¹, эти ходы планируются с таким расчетом, чтобы каждый следующий шаг в качестве побочного продукта тоже приносил максимально возможное удовлетворение. Берн так же отмечает, что многие игры «совершенно необходимы некоторым людям для поддержания душевного здоровья». А так как Печорин лишен возможности реального действия в жизни, то игра, иллюзорная, создаваемая им действительность для него – единственная форма существования. Вспомним его записи: «... я люблю врагов, хотя не по-христиански. Они меня забавляют, волнуют мне кровь. Быть всегда настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерение, разрушать заговоры, претворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание их хитростей и замыслов, – вот что я называю жизнью».

Запись представляет собой своего рода памятку к действию игры: что и в какой последовательности необходимо выполнять.

Называет дуэль. Печорин максимально рискует жизнью, чтобы понаблюдать поведение в экстремальной ситуации (ситуации отмщения) ничтожества, каким он считал Грушницкого, причем заранее, будучи уверенным в отрицательном результате испытания.

Примечательным является, на наш взгляд, отношение участников игры после дуэли к Печорину, даже его друг, доктор Вернер, при следующей встрече с ним, «против обыкновения не протянул ... руки». Такое положение вещей становится вполне понятным при свете теории игры И. Хейзинги², по которой каждая игра имеет свои правила, без них она становится невозможной.

В нашем случае, дуэли между Печориным и Грушницким, первый плурует с правилами Грушницкий, он лукавит, притворяясь, что играет; только с виду признавая

¹ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. – СПб., 1996. – С. 396.

² Хейзинга И. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. – М., 1992. – С. 464.

круг игры, он вкладывает в нее свой смысл: дуэль будет осуществляться в соответствии с правилами, но только один пистолет не будет заряжен пулей. В то время как Печорин не просто плурует, а нарушает правила. Отсюда, общество играющих легче прощает плуту его грех (так как при плутовстве структура игры не разрушается), чем нарушителю (так как при нарушении правил игры «все здание игры тотчас же рушится»)¹. Именно об этом говорит Печорин: «...одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание их хитростей и замыслов ...». По Хейзинге такой игрок «отнимает у игры иллюзию. Поэтому он должен быть уничтожен. Именно изгой, – по его мнению, – обладает сильно выраженным игровым характером»², чему мы и находим подтверждение в феномене Печорина. Если Арбенин по своей сути «игрок», но противопоставляющий себя реальной жизни («воскрес для жизни»), то для Печорина, мы считаем, единственной формой существования является игра, в которой он может реализоваться. Если Арбенин, сознавая свою «игровую» натуру, хочет все же вернуться, то Печорин, не видя перспективы в возвращении, в силу своего «игрового характера» строит свой, иллюзорный мир, в котором он царствует на правах создателя и играет людьми, не терпя чьего-либо вмешательства. Может быть, именно поэтому он и пускается в отчаянное противоборство с Грушницким, так как в этом случае не он, а им вздумали поиграть. «А! Господин Грушницкий! – зловеще говорит Печорин, – ваша мистификация вам не удастся... мы поменяемся ролями...» И вот, когда эта «замена» произошла, все стало на свои места – Печорин вернулся в свой мир, где позволял играть собой одной лишь Судьбе, свою роль «топора в руках судьбы», и по обыкновению «упал на голову обреченной жертвы».

Печорин создал свой игровой мир, который не соответствует общественным нормам, поэтому, когда что-то из действительной жизни каким-либо образом пересекается с его миром, оно подлежит уничтожению: духовному (разрушение определенных представлений о жизни, например, княжна Мери) и физическому.

По прихоти Печорина разбито сердце Мери, оскорблено самолюбие девушки, виновной перед ним только в том, что когда-то она в его присутствии отличила другого. Печорин отдает себе отчет в том, что его эксперимент с Мери выбивается из норм гуманности. Не случайно при мысли о том, что Мери, обиженная его невниманием к ней, проведет ночь без сна и будет плакать, Печорин вспоминает Вампира – фантастическое существо, которое, по преданию, для того, чтобы поддерживать свое существование, высасывало до капли кровь своих несчастных жертв.

Обратимся теперь непосредственно к «Журналу Печорина». Его знаменитый монолог «Да! такова была моя участь с самого детства ...» относится к записи от 3 июня, которая начинается следующими словами: «Я часто себя спрашиваю, зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь?»³. Вопрос этот и последующий ответ на него раскрывает цель, которую преследует данным монологом Печорин. Этой цели подчинены все разговоры Печорина с княжной Мери. Все они являются звеньями одной цепи, ходами шахматиста, превосходно разыгрывающего свою партию. Не составляет исключения и данный монолог.

Взглянем на фразу, предшествующую ему. «Я задумался на минуту и потом сказал, *приняв* глубоко тронутый вид»⁴. Если человек «принимает» определенный вид, значит он играет какую-то роль, и у нас уже есть некоторые основания не доверять ему.

Печорин произносит свой трогательный монолог и смотрит, какое впечатление произвели его слова на княжну, достиг ли он своей цели, выиграл ли он этим ходом партию? Да, ход оказался великолепным, удар достиг цели – княжна поражена и растрогана.

---

¹ Там же. – С. 43.

² Там же. – С. 48.

³ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х т. – Л., 1980 – С. 192.

⁴ Там же. – С. 191.

«В эту минуту я встретил ее глаза: в них бегали слезы; рука ее, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали... ей было жаль меня! Сострадание, чувство, которому покоряются так легко все женщины, впустило свои когти в ее неопытное сердце»,¹ – эта фраза следует непосредственно после монолога.

Холодные и расчетливые фразы, окаймляющие монолог, противоречат в тоне своего звучания пылкой «исповеди» Печорина. Причем, запись в журнале сделана в тот же день, так что Печорин не имел времени взглянуть на событие уже другими глазами; он писал непосредственно, как говорится, – по горячим следам.

Однако Печорин выиграл партию не одним ходом. Он методично, четко и продуманно разыграл свою роль. Заглянем несколько вперед. Вот запись от 22 мая: «После нескольких минут молчания я сказал ей, *приняв* самый покорный вид»². А в записи от 29 мая мы встречаем: «... всякий раз, как Грушницкий подходит к ней, *принимая* смиренный вид и оставляю их вдвоем»³. И далее, там же: «Я пристально посмотрел на нее и *принял* серьезный вид»⁴.

В игре, которую ведет Печорин, есть и третий партнер. Это Грушницкий, и Печорин в разговоре с ним (запись от 16 мая) также «*принял* серьезный вид»⁵.

Пятикратным повтором «Я *принял*... вид» Лермонтов показывает, что разбираемый монолог является одним из ходов (правда, может быть, самым эффективным и решающим) в «атаке» Печорина на княжну Мери, в спектакле, который разыгрывает этот превосходный актер и сценарист.

В. Левин⁶ в своей статье «Об истинном смысле монолога Печорина» обращает внимание на его стилистику. Отмечая, что «эта прочувственная речь была бы, безусловно, на месте в устах героя романтического произведения в духе Бестужева-Марлинского и даже раннего Лермонтова, но из общего строя языка Печорина, героя глубоко реалистического романа, она явно выпадает. Лишь еще один небольшой печоринский монолог выдержан в том же стиле. И он тоже обращен к княжне Мери (запись от 7 июня, то есть спустя 4 дня после первого): «Простите меня, княжна! Я поступил как безумец... этого в другой раз не случится: я приму свои меры!.. Зачем вам знать то, что происходило до сих пор в душе моей! Вы этого никогда не узнаете, и тем лучше для вас. Прощайте»⁷.

В самом начале повести «Княжна Мери» мы уже слышали почти те же слова. Это – когда Печорин рассказывает о Грушницком, своей романтичностью забавляющего не только Печорина, но и самого Лермонтова: «Приезд его на Кавказ – также следствие его романтического фанатизма: я уверен, что накануне отъезда из отцовской деревни он говорил с мрачным видом какой-нибудь хорошенькой соседке, что он едет не так, просто, служить, но что ищет смерти, потому что ...тут он, верно, закрыл глаза рукою и продолжал так: «нет, вы (или ты) этого не должны знать!.. Ваша чистая душа содрогнется!.. Да и к чему? .. Что я для вас! – Поймете ли вы меня?..» и так далее»⁸.

Итак, Печорин становится перед княжной Мери в позу Грушницкого; и это не случайно: тонкий психолог, Печорин, считает, что окутав себя ореолом романтики, он скорее и вернее добьется успеха. Печорин сознательно подражает человеку, над которым он смеется, подражает именно в том, что как раз и вызывает его смех»⁹.

Писавший свой дневник ради самопознания Печорин смело признается себе в своих пороках. Анализируя свое поведение с Мери, он приходит к заключению, что

¹ Там же. – С. 196.

² Там же. – С. 285.

³ Указ. соч. – С. 292.

⁴ Указ. соч. – С. 293.

⁵ Указ. соч. – С. 276.

⁶ Левин В. Об истинном смысле монолога Печорина. – М., 1964. – С. 512.

⁷ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х т. – Л., 1980 – С. 305.

⁸ Указ. соч. – С. 263–264.

⁹ Андронников И.Л. Портреты выходят из рам (О литературных связях М.Ю. Лермонтова). – М., 1964. – № 42. – С. 279.

затянутый им психологический эксперимент был возможным, потому что он превратился в «нравственного калеку»: «... честолюбие у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде, ибо честолюбие есть не что иное, как жажда власти, а первое мое удовольствие подчинять моей воле все, что меня окружает: возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха – не есть ли первый признак и величайшее торжество власти?»¹.

Так, в «Княжне Мери» отчетливо выявляются печоринский эгоцентризм и своеволие (оборотные стороны положительных начал его личности, искаженных по воле обстоятельств) – то, что дает право Лермонтову в «Предисловии» ко 2-му изданию романа назвать своего героя «безнравственным человеком».

Печорин создал свой игровой мир, который не соответствует общественным нормам, поэтому, когда что-то из действительной жизни каким-либо образом пересекается с его миром, оно подлежит уничтожению: духовному (разрушение определенных представлений о жизни, например, княжна Мери) и физическому.

Проблема личности – центральная в романе – «история души человеческой ... едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа»². Именно личность в своем отношении и к обществу, и к своему положению в обществе, и к объективным историческим и социальным условиям интересна автору не как конкретная социальная единица общества, а как именно волевое начало, которое, с одной стороны – противостоит этим социальным условиям, а с другой стороны – вращено ими. Именно в данном подходе и проявляется двойственное понимание сущности личностных переживаний и особого психологического метода М.Ю. Лермонтова.

PSYCHOLOGY BEHAVIOR THE ROMANTIC HERO IN THE NOVEL OF M. LERMONTOV "HERO OF OUR TIME»

M. A. Vinichenko
Belgorod State University

The article presents the analysis of Lermontov's novel "Hero of our time" as the first psychological novel in Russian literature. The image of Pechorin through the prism of his experimental researches in relations with other people on the way is considered. A psychological analysis of the character's behavior from the perspective of the culturological theory of the game behavior of J. Heising and the psychology of human relations of E. Bern is given.

Key words: romanticism, romantic hero, psychology, behavior, game.

МОТИВ ОТЦОВСТВА КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ В ДРАМЕ Л.А. МЕЯ «ПСКОВИТЯНКА»

М.С. Жбанкова
Воронежский государственный университет
Jurnalist31@yandex.ru

Особое место в русской исторической драматургии занимает произведение Л.А. Мея «Псковитянка» (1859). История о трагических событиях XVI века впоследствии вдохновила не только других писателей, но и музыкантов. Эта пьеса, как и «Царская невеста», становится основой одной из знаменитых опер Н.А. Римского-Корсакова; М.А. Булгаков в комедии «Иван Васильевич» неоднократно использует аллюзии к «Псковитянке».

В середине XIX века перед отменой крепостного права историки и писатели пребывают в поисках исторического истолкования вопросов власти, тирании, проблемы управления государством как таковой. Результаты этих исканий отражаются в трудах

¹ Лермонтов М.Ю. Указ. соч. – С. 268.

² Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. – СПб., 1996. – С. 249.